

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ И СУДЬБА ПОЭМЫ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Биография

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта (1 апреля по новому стилю) 1809 года в местечке Большие Сорочинцы Полтавской губернии, на квартире здешнего врача (к нему обратились, так как двух первых детей мать родила мертвыми). Новорожденного спустя шесть недель перевезли в отцовское имение Васильевка (Васильевское), или Яновщина, где прошло его детство. Рядом находилось село Диканька, богатое преданиями и прославленное в будущих произведениях новорожденного.

У помещика коллежского асессора Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского и его жены Марии Ивановны Косяровской родилось двенадцать детей, большинство из которых умерло в младенчестве. Николай был старшим ребенком в семье, вырос в атмосфере деревенского быта среди крестьянских детей.

В девять лет Николая отослали в Полтаву, где в августе 1818 году он поступил в уездное училище, позже продолжал учиться в городе Нежин. Здесь с мая 1821 года проходили его отроческие годы, лишь на каникулы он приезжал к родным.

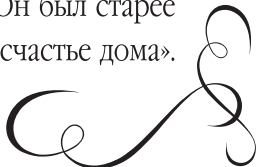
В Нежинской гимназии высших наук, куда принимали только дворянских детей, обучение длилось девять лет. Аттестат, выдаваемый этим учебным заведением, котиrowался наравне с дипломами университетов. Это было закрытое учебное заведение, где существовала суровая дисциплина, стремление воспитать в учениках верность царю и отечеству.

Когда Николая исполнилось пятнадцать лет, умер отец, что стало для сына невосполнимой утратой. По преданию, один из предков отца, Остап Гоголь, прославился как казачий полковник и гетман Правобережной Украины. Прадед и дед Василия Афанасьевича были священниками; отец Афанасий Демьянович служил писарем в Генеральной войсковой канцелярии гетмана, вышел в отставку в звании секунд-майора и сумел приобрести потомственное дворянство, после чего сменил родовую фамилию «Яновский» на дворянскую «Гоголь-Яновский».

Василий Афанасьевич служил по почтовому ведомству, в 1805 году вышел в отставку в звании коллежского асессора и навсегда поселился в своем имении, занимаясь его хозяйственным устройством. Он сблизился с Дмитрием Прокофьевичем Трощинским, бывшим министром юстиции и членом Государственного Совета, родственником своей жены. После выхода в отставку Трощинский поселился недалеко от Васильевки, в своем поместье Кибинцы, где Василий Афанасьевич был директором и актером домашнего театра, для которого написал несколько водевилей. Мистика сопровождала всю его жизнь. Еще будучи мальчиком, Василий Афанасьевич увидел сон, в котором Богоматерь указала на его нареченную. Позже он увидел в годовалой дочке соседа-помещика черты предначертанной ему небесами невесты и спустя тринадцать лет сделал ей предложение. Они поженились.

Мария Ивановна еще ребенком вышла замуж и на долгие годы сохранила свою необыкновенную красоту и молодость. Она вспоминала: «Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в местечке Яресках, потом муж мой уехал, а я осталась у тетки оттого, что была еще слишком молода; потом гостила у родителей, где часть с ним видалась. Но в начале ноября он стал просить родителей отдать ему меня, говоря, что не может более жить без меня. Так вместо году я пробыла у них один месяц. Они благословили меня и отпустили. Он меня привез в деревню Васильевку, где встретили нас отец и мать. Они приняли меня как родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надевала на меня свои старинные вещи. Любовь ко мне мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Он был старше меня на тринадцать лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома».

Среди предков матери было немало представителей запорожского казачества, поэтически воспетого сыном в повести «Тарас Бульба». Кроме Николая у нее дожили до совершеннолетия четыре дочери — Мария (1811–1844), Анна (1821–1893), Елизавета (1823–1864) и Ольга (1825–1907). Мать была набожной женщиной, ее мнительность и дар предвидения в той же мере стали присущи и сыну. В доме Гоголей на стене в гостиной висела картина Страшного Суда. Мать часто приводила ее в пример, что может случиться с греховными людьми.

— Если ты будешь грешить, — наставляла она сына, — то после смерти попадешь в ад, и тебя постигнут те же муки, какие изображены на картине.

Уже повзрослев и навсегда покинув семью, Гоголь искренно писал матери: «Я помню, я ничего в детстве сильно не чувствовал, я глядел на всё, как на вещи, созданные для того, чтобы угодить мне. Никого особенно не любил, включая Вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство — я живо, как теперь, помню этот случай, — я просил Вас рассказать мне о страшном Суде, и Вы мне, ребенку, так понятно, так трогательно рассказывали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так страшно описали вечные муки грешников, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

В гимназии Николай из хилого болезненного ребенка превратился в сильного, веселого и падкого на потехи юношу. Он не был прилежным учеником, но ему удавалось сдавать экзамены благодаря блестящей памяти. В «Ведомости о поведении пансионеров за февраль 1824 года» отмечено: «Отметку за поведение получили по единице: Яновский — за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновение...»

Вместе с другими гимназистами (они часто называли себя лицеистами) Николай издавал рукописный журнал, где опубликовал свои первые стихи, поэму и историческую повесть «Братья Твердославичи».

— В стихах упражняйся, — дружески посоветовал ему одноклассник К.М. Базили, — а прозой не пиши, очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцует, это сейчас видно.

Гоголь хорошо рисовал и увлекался живописью, стал организатором и актером гимназического любительского театра. Особенно ему удавались комедийные роли, среди них Митрофанушки в комедии Фонвизина «Недоросль».

Николай был в меру озорным чудаком, но скрытным и живущим обособленно от интересов сокурсников, особенно тех, кто происходил из богатых привилегированных семей. В.И. Любич-Романович вспоминал: «Гоголь постоянно косился на нас, держался в стороне, смотрел всегда букою. Насмешки наши над Гоголем еще усугублялись потому, что он держал себя каким-то демократом среди нас, детей аристократов, редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня, ходил всегда в грязном белье и выпачканном платье».

Лишь в конце учебы, в 1827 году, Николай свыкся со своими одноклассниками, в его письмах стали появляться веселые строки о гимназической жизни. Да и в одежде он становится опрятнее, хочет выглядеть франтом. Он пишет из Нежина 26 июня 1827 года в Петербург своему приятелю Г.И. Высоцкому: «Мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны. Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами; а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется».

Страстный поклонник Александра Пушкина, Николай тщательно переписывал для себя на самой лучшей бумаге, с собственными рисунками стихотворения и поэмы русского гения.

Николай Гоголь-Яновский не любил своей родовой фамилии. Когда его называли Яновским, он возмущенно отвечал:

— Зачем вы меня так называете. Моя фамилия Гоголь, а Яновским — только прибавка, ее поляки выдумали.

В этом утверждении он ошибался, да и ничего толком не знал о своих предках (в отличие от своего кумира Пушкина, досконально изучившего свою родословную).

Гоголь учился неохотно, с ленцой, но обвинял в своем нерадении к учебе исключительно других. Он писал матери 1 марта 1828 года: «Я утерял целые шесть лет даром; нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще. Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и проч., здесь языкам совершенно не учат. Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе. У меня не было других преподавателей, кроме меня самого, а можно ли самому, без помощи других, совершенствоваться?..»

Конечно, можно. Так на Руси поступали талантливые люди во все времена. У Николая же Божий дар пока еще никак не проявлялся.

Во время обучения в Нежинской гимназии Гоголь мечтал о Петербурге, он считал, что лишь там обретет счастье. Окончив гимназию летом 1828 года, он в конце декабря того же года приехал, как ему казалось, на постоянное жительство в столицу Российской империи и решил посвятить себя юстиции.

Но город оказался совершенно не таким, о котором он мечтал, был сер и уныл, переполнен военными и чиновниками. Гоголь еще в гимназии сочинил романтическую поэму «Ганц Кюхельgarten», и в июне 1829 года публикует ее отдельной книгой под псевдонимом В. Алов. Газеты и журналы отозвались на нее резкой критикой или вовсе не заметили. Гоголь, кажется, и сам понял, что поэма плоха, выкупил весь тираж книги и сжег его.

Николай с детских лет был неподражаемым комиком. Приятели говорили, что если он поступит на сцену, то станет знаменитым актером. В Петербурге он попытался так и сделать.

Его принял в своем кабинете директор императорских театров князь С.С. Гагарин и спросил:

- Что вам угодно?
 - Я желал бы поступить на сцену, — запинаясь от волнения, ответил провинциальный молодой человек неказистой внешности.
 - Ваша фамилия?
 - Гоголь-Яновский.
 - Из какого звания?
 - Дворянин.
-

— Что же побуждает вас идти на сцену? Как дворянин вы могли бы служить.

— Мне кажется, что я не гожусь для службы. К тому же чувствую призвание к театру.

— Актеру нужен талант.

— Может быть, во мне он есть...

Назначили испытание, после которого доложили Гагарину, что Гоголь-Яновский «оказался совершенно неспособным не только в трагедии или драме, но даже в комедии». Неверное, это случилось из-за чрезмерного волнения экзаменуемого.

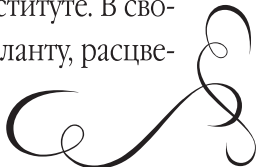
В августе 1829 года вместо того, чтобы устраиваться на государственную службу, Гоголь вдруг отправляется в приморский немецкий город Любек, а потом отдыхает в соседнем тихом городке Трансмунде. На это двухмесячное заграничное путешествие он потратил деньги, присланные ему матерью для уплаты в банк обязательных процентов за родовое имение.

Николай по возвращению из заграницы попробовал служить — сначала с 15 ноября 1829 года в течение трех месяцев — в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, откуда уводился по собственному прошению, и с 10 апреля 1830 года — в департаменте уделов Министерства высочайшего двора. Он пишет матери 1 сентября 1830 года: «Служба моя идет очень хорошо, начальники мои все прекрасные люди. Всего только четыре месяца, как я служу, а получил на днях уже штатное место, до которого многие по пяти лет дослуживаются, иные даже по десяти, и всё не получают...» Письмо, как и предыдущие, заканчиваются просьбой выслать денег.

На поприще государственной службы Гоголь не добился успеха, по его словам, он был занят лишь тем, что подшивал бумаги. Тогда он решил испробовать себя на педагогическом поприще.

Гоголь по собственному прошению 9 марта 1831 года был уволен из департамента уделов и уже на следующий день вступил в должность старшего учителя истории в женском Патриотическом институте. В своих лекциях Николай Васильевич, благодаря блестящему таланту, расцве-

чивал роскошными красками тот или иной эпизод русской и мировой истории, желая увлечь слушательниц. Но он перескакивал с одного исторического эпизода на другой, мало заботясь о цельности и последовательности учебного курса. В конце концов, он разочаровался в своей педагогической деятельности. А благородные девица, слушавшие его лекции, считали своего преподавателя занудой.

Одновременно с преподаванием в институте Николай Васильевич подрабатывает частными уроками. Его ученик М.Н. Лонгинов вспоминал: «Первое впечатление, произведенное Гоголем на нас, мальчиков от девяти до тринадцати лет, было довольно выгодно, потому что в добродушной физиономии нового учителя, не лишенной, впрочем, какой-то насмешливости, не нашли мы и тени педантизма, угрюмости и взыскательности, которые считаются часто принадлежностью звания наставника. С другой стороны, одно чувство приличия, может быть, удержало нас от порыва смешливости, которую должна была возбудить в нас наружность Гоголя. Небольшой рост, худой и искривленный нос, кривые ноги, хохолок волос на голове, не отличавшейся вообще изяществом прически, отрывистая речь, беспрестанно прерываемая легких носовым звуком, поддергивающим лицо, — все это прежде всего бросалось в глаза. Прибавьте к этому костюм, составленный из резких противоположностей щегольства и неряшества, — вот каков был Гоголь в молодости».

Гоголь в начале 1830-х годов, наверное, в надежде стать профессиональным живописцем в течение трех лет посещает натуральный класс Академии художеств. Он признавался: «Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи».

В сентябре 1831 года выходит в свет первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а в следующем году — вторая часть. Гоголь неустанно продолжает заниматься литературным трудом. Он мог долго и внимательно слушать рассказы мелких чиновников или ремесленников о своей работе, и полученные от них сведения потом записывал. Эти записочки иногда долго лежали без дела, пока не наступал момент, когда они перерабатывались гениальным воображением писателя в художественное произведение.

Н.В. Гоголь в 1834 году.

В июне 1832 года Гоголь приезжает в Москву, где знакомится с писателями С.Т. Аксаковым и М.П. Погодиным, с актером Малого театра М.С. Щепкиным. Прожив здесь месяц, он уезжает в родную Васильевку, откуда в октябре 1832 года возвращается в Петербург.

В начале 1833 года Гоголь задумал многотомный труд, посвященный «всеобщей истории и всеобщей географии» под энциклопедическим названием «Земля и люди». К этому замыслу он возвращался и позднее, но так и не осуществил его. История как наука оказалась для него непосильной ношей.

Гоголя одолевают мучительные раздумья о своей дальнейшей судьбе, он пытается занять кафедру всеобщей истории в Киевском университете, но ему это не удается. Тогда поступает с помощью влиятельных знакомых в июле 1834 года адъюнктом профессора на кафедру всеобщей истории в Петербургском университете. К сожалению, его преподавательская деятельность не удалась из-за скудости его знаний и высокопарной манере говорить с высот учебной кафедры.

Вскоре он стал тяготиться чтением лекций и пишет Михаилу Погодину 14 декабря 1834 года: «Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном, ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая история. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художественную отделку, а тем более желание будить сонных слушателей... Хотя бы одно студенческое существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург».

Гоголь обвинял в неудачах своей лекторской деятельности исключительно слушателей, а те — исключительно его. Николай Иваницкий вспоминал: «Все последующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны, ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на беседу живую и одушевленную... Какими-то сонными глазами смотрел он на прошедшие века и отжившие племена. Без сомнения, ему самому было скучно, и он видел, что скучно и его слушателям. Бывало, приедет, поговорит с полчаса с кафедры, уедет, да уж не показывается целую неделю, а иногда и две».

В марте 1835 года выходят в свет два тома повестей Гоголя «Миргород».

Гоголь был уволен от преподавательской деятельности 31 декабря 1835 года «по случаю преобразования» университета. К этому времени он уже более полугода не читал лекций.

В Петербурге на вечере у поэта П.А. Плетнева 20 мая 1831 года Гоголь познакомился со своим кумиром — Пушкиным. Они не стали близкими друзьями, но сохраняли приятельские отношения. Александр Сергеевич в последующие годы опекал своего младшего собрата по перу, хлопотал о постановки его пьес, делился с ним творческими задумками (Гоголь то ли с разрешения Пушкина, то ли без такового использовал его сюжеты, по которым написал «Ревизора» и «Мертвые души»). Крепостной слуга Гоголя Яким Нимченко вспоминал: «Пушкин заходил часто. Небольшого роста, курчавый, рябоватый, некрасивый, одевался странно, кое-как. К Пушкину, бывало, на неделю раза три-четыре с запиской хожу или с письмом».

Когда Пушкин был смертельно ранен на дуэли, Гоголь в отчаянии признавался в письме к своему другу Александру Данилевскому: «Ты знаешь, как я люблю свою мать, но если б я потерял даже ее, я не мог бы быть так огорчен, как теперь: Пушкин в этом мире не существует больше».

В июне 1836 года, после постановки комедии «Ревизор» в Петербурге и Москве, Гоголь уезжает за границу, путешествует по Германии, Франции, Швейцарии. Затем надолго поселяется в Италии. В Риме сблизился с живущими там художниками и литераторами. Уже по первым письма, полученным его родными и друзьями из заграницы видно, что после многих лет напряженного труда и попыток устроить свою жизнь, в Италии он, наконец, обрел покой и спокойное душевное настроение. Здесь было написано большинство глав «Мертвых душ».

Из Рима Гоголь 2 февраля 1838 года восторженно пишет своему приятелю А.С. Данилевскому: «Никогда я не чувствовал себя так погруженным в такое спокойное блаженство. О, Рим, Рим! О, Италия! Чья рука вырвет меня отсюда? Что за небо! Что за дни! Лето — не лето, весна — не весна, но лучше и весны и лета, какие бывают в других углах мира. Что за воздух! Пью — не напьюсь, гляжу — не нагляжусь. В душе небо и рай. У меня теперь в Риме мало знакомых, или, лучше, почти никого. Но никогда я не был так весел, так доволен жизнью».

В конце 1838 года в Риме Гоголь познакомился с художником Александром Ивановым (автором картины «Явление Христа народу», которая ныне украшает Третьяковскую галерею). Они подружились, стали неразлучны. Писатель поддерживал живописца советами, призывал его не унывать по случаю недостатка средств, приводя в пример себя. Хотя, конечно, сам никогда так не бедствовал, как многие русские художники.

Михаил Погодин в марте 1839 года приехал в Рим и был чрезвычайно расстроен жалобами Гоголя на свое здоровье.

— Чем же он болен? — спросил один из русских художников.

— Как чем? — удивился Погодин. — Разве вы ничего не знаете?.. У него желудок расстроен, он не может ничего есть.

— Что вы говорите?! — захохотал художник. — Да мы ходим нарочно смотреть, как он обедает. Он есть за четверых с неизменным аппетитом...

В сентябре 1839 года Гоголь вернулся в Москву, где издает свои новые повести петербургского цикла. Он поселился в доме историка и писателя Михаила Погодина на Девичьем поле. Жил как отшельник, занимаясь с утра до вечера литературным трудом. Иногда приходили гости и упрашивали Николая Васильевича почитать что-нибудь из своих произведений. Читал он великолепно, очаровывая слушателей. Здесь они услышали первые главы «Мертвых душ».

Гоголь посещал иногда Английский и Купеческий клубы, главным образом для того, чтобы полакомится изысканными блюдами. Впрочем, и эти лукулловы обеды нашли свое место в его литературном творчестве.

В мае 1840 года Гоголь возвращается в Италию, где завершает работу над «Мертвыми душами» и «Шинелью». С октября 1841 года по май 1842 года он вновь посещает Россию, откуда, дождавшись выхода в свет первого тома «Мертвых душ», вновь уезжает. Живший с ним вместе в Риме Н.М. Языков пишет 4 (16) февраля 1843 года: «Гоголь ведет жизнь очень деятельную, пишет много; поутру, т.е. до 5 часов пополудни, никто к нему не впускается ни в будни, ни в праздники, это время все посвящено у него авторству, творческому уединению...»

После гибели Пушкина (1837 год) и Лермонтова (1841 год) Белинский признавался в письме к Гоголю: «Вы у нас теперь один, и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с вашей судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества».

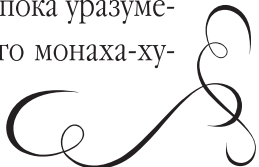
Июнь 1843 года Гоголь несколько месяцев гостит во Франкфурте-на-Майне у поэта Василия Жуковского, который продолжал покровительствовать ему на протяжении всей жизни. Жуковский помог устроить молодого писателя на кафедру всеобщей истории в Петербургском университете, неоднократно использовал свои придворные связи и близость к царской семье в интересах Гоголя, одалживал ему крупные суммы денег. Теперь два прославленных литератора общались уже на равных, в продолжительных беседах их объединяла идея о нравственном совершенстве писателя, которое должно лежать в основе творчества, чтобы стать благом для читателей.

Наступившую зиму 1843–1844 годов Гоголь проводит в Ницце. Потом живет в Риме, скитается по Европе, опять проводит долгое время у Жуковского. В 1847 году состоялось их последнее личное свидание, а за три недели до своей смерти Гоголь написал ему последнее письмо.

Все чаще Гоголь повторяет, что нечистая сила влияет на него. С годами у него участились продолжительные обмороки, они вызвали болезненный страх быть принятым за умершего и оказаться заживо погребенным. В начале 1845 года он переживает столь тяжелый кризис, что ему кажется, будто он умирает.

Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (вышла в свет в январе 1847 года) вызвала бурю осуждений и упреков. Это был другой, незнакомый читателям писатель. В основе книги лежат письма Гоголя реальным своим друзьям (всего 31 письмо). Все адресаты обозначены инициалами, большинство которых легко расшифровать.

Среди немногих людей, положительно отзывавшихся о книге, был славянофил Иван Аксаков: «Много еще пройдет времени, пока уразумется вполне все глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-ху-

дожника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи!»

Самым яростным и непримиримым критиком книги стал Виссарион Белинский, опубликовав в журнале «Современник» резко отрицательную рецензию. Он также пишет открытое письмо Гоголю, в котором говорит: «Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издаലെка видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть... Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности».

На протяжении двух с половиной десятилетий «Письмо к Гоголю» Белинского не могло быть опубликовано в России и лишь распространялось в рукописных списках. Впервые его напечатал Герцен в Лондоне, в журнале «Полярная звезда». За распространение этого письма в рукописных списках по Петербургу был приговорен к казни писатель Федор Достоевский, которому в последний момент смерть на виселице заменили каторгой. Спустя десять лет, создавая повесть «Село Степанчиково и его обитатели», он выведет в ней тип ханжи Фомы Опискина, который будет часто цитировать пресловутую книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

Белинский был жесток к Гоголю, не пожелав понять искреннюю, хотя и взбалмошную, исповедь писателя. Другие бывшие поклонники таланта Гоголя пошли еще дальше, называя его обманщиком и изменщиком, приписывая ему низкие и подлые цели.

Неудача «Выбранных мест...» была воспринята автором как трагедия всей жизни. Свои произведения, вышедшие прежде этой книги, Гоголь называл по сравнению с ней бесполезными. Его мучают сомнения: нужно ли продолжать писать?..

В феврале 1848 года Гоголь совершает паломничество по Святой Земле, побывал в Иерусалиме и его окрестностях, затем посетил Константи-

нополь и 16 апреля на пароходе «Херсонес» прибыл в Одессу. Две недели он провел здесь в карантине по случаю эпидемии холеры. Из Одессы выехал 7 мая и два дня спустя прибыл в Васильевку. Отсюда совершает поездки в Полтаву, Сорочинцы, Киев.

Гоголь задумал увидеть и понять Россию, которую порядком подзабыл, скитаясь по чужим землям. Но из этой затеи почти ничего не вышло, потому что предпринимать дальние путешествия по необъятным просторам отечества он не смог как по состоянию здоровья, так и за нехваткою денег.

В середине октября 1848 года Гоголь возвращается в Москву, вновь живет у Погодина на Девичьем поле, но отношения между ними начали портиться еще несколько лет назад, когда Погодин настойчиво, но бесполезно просил его печататься в своем журнале «Москвитянин».

В конце декабря 1848 года Гоголь переезжает к графу А.П. Толстому на Никитский бульвар. Он теперь постоянно занимается восстановлением и переделкой второго тома «Мертвых душ». Все чаще впадает в мистическое и меланхолическое настроение, страдая этими недугами с каждым годом все более.

В мае 1849 года Гоголь постоянно жалуется на «тяжелое расстройство нервическое», увеличившееся «от некоторых душевных огорчений». Молва о помешательстве писателя постепенно воцаряется в московском обществе. Поговаривали, что Николай Васильевич окончательно отрекся от литературного призвания, постоянно постится, живет как монах, ничего не читает, кроме Библии.

В июле 1849 года Гоголь посетил Калугу по приглашению своей давней приятельницы А.О. Смирновой-Россет, жены губернатора края. Его поместили во флигеле загородного губернаторского дома. Калужский чиновник Лев Иванович Арнольди, поселившийся рядом, вспоминал: «По утрам Гоголь запирался у себя, что-то писал, всегда стоя, потом гулял по саду один и являлся в гостиную перед самым обедом... Иногда Гоголь поражал меня своими странностями. Вдруг является к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светло-голубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное, даже спрячет воротничок рубашки и волосы не причесывает, а на другой день, опять без всякой причины, явится в платье ярких цве-

тов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именинником».

После обеда Николай Васильевич часто бросал литературную работу и часами шатался по улицам Калуги, заглядывал в Гостиный двор, книжные лавки и многочисленные магазинчики, знакомился и беседовал с купцами и лавочниками. В конце июля возвратился в Москву. Часто навещает Аксаковых в их подмосковном имении Абрамцево. В эту зиму он, как обычно, не уехал в теплые края, а остался в Москве.

Весной 1850 года Гоголь через Веневитиновых делает предложение Анне Виельгорской и получает отказ. Всю жизнь он так и прожил аскетом, имея с женщинами лишь целомудренные братские отношения (включая и Александру Смирнову-Россет, которую некоторые современники считали возлюбленной писателя). Отказ дочери известного музыканта Михаила Виельгорского потряс Гоголя не столько из-за любви к Анечке, сколько из-за уязвленного самолюбия. Других попыток устроить семейную жизнь ни раньше, ни позже он не предпринимал.

Побывав летом 1850 года в Оптиной пустыни и на родине, с октября 1850 года по март 1851 года Гоголь живет в Одессе, где нет такой холодной зимы, как в Москве. Здесь он познакомился с актером и драматургом Александром Павловичем Толченовым, который вспоминал о своей встрече с прославленным писателем: «Я с трудом мог прийти в себя от изумления: так два часа, проведенные в обществе Гоголя, противоречили тому, что мне до тех пор приходилось слышать о Гоголе как о члене общества. Все слышанное мною про него в Москве и Петербурге так противоречило виденному мною в этот вечер, что на первое время удивление взяло верх над всеми другими впечатлениями. Я столько слышал рассказов про нелюдимость, недоступность, замкнутость Гоголя, про его эксцентрические выходы в аристократических салонах обеих столиц. Так жив еще был в моей памяти рассказ, слышанный мною за два года в Москве, о том, как приглашенный в один аристократический московский дом, Гоголь, заметя, что все присутствующие собрались собственно затем, чтоб посмотреть и послушать его, улегся с ногами на диван и проспал, или притворился спящим, почти весь

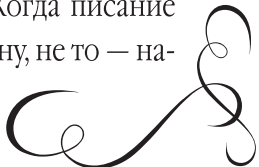

вечер, — что в голове моей с трудом переваривалась мысль о том, что Гоголь, с которым я только расстался, которого видел сам, был тот же человек, о котором я составил такое странное понятие по рассказам о нем... Сколько одушевления, простоты, общительности, заразительной веселости оказалось в этом неприступном, хоронящемся в самом себе человеке. Неужели, думал я, это один и тот же человек, — засыпающий в аристократической гостиной, и сыплющий рассказами и заметками, полными юмора и веселости, и сам от души смеющийся каждому рассказу смехотворного свойства, — в кругу людей, нисколько не участвующих и не имеющих ни малейшей надежды когда-нибудь участвовать в судьбах России?»

С апреля 1851 года Гоголь опять на два месяца обрел покой у матери и сестер в Васильевке. По воскресеньям посещал церковь, в будни, выпив с утра кофе, принимался за литературную работу и не отрывался от нее по пяти часов кряду. Пообедав, если не продолжал работу, катался на плоту по прудам, встречался с односельчанами и заводил с ними беседы, внимательно выслушивая их рассказы. Вечера проводил с матерью и сестрами, помогал им в домашней работе, даже кроил сестрам платья, рисовал узоры для ковров, которые ткала мать.

В начале июня 1851 года Гоголь вновь селится в Москве у своего друга графа А.П. Толстого во флигеле доме Талызиной на Никитском бульваре. Граф выделил ему несколько комнат на первом этаже, а сам жил наверху двухэтажного особняка. Гоголь то чуждается людей, то зазывает к себе близких друзей, где читает им новые главы «Мертвых душ» и свои прежние произведения.

Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг вспоминал: «Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет... Кроме многочисленной прислуги дома, служил ему в его комнатах собственный его человек из Малороссии именем Семен, парень очень молодой, смирный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигеле была необыкновенная... Когда писание утомляло или надоедало, Гоголь подымался наверх, к хозяину, не то — на-

девал шубу, а летом испанский плащ без рукавов, и отправлялся пешком по Никитскому бульвару, большею частью налево от ворот».

В конце октября 1851 года Гоголь познакомился с молодым редактором «Правительственного вестника» (будущим известным историческим писателем) Г.П. Данилевским. Григорий Петрович не заметил у прославленного писателя никакого помешательства, о чем ему твердили московские знакомые: «Передо мной был не только не только не душевнобольной или вообще свихнувшийся человек, в тот же самый Гоголь, тот же могучий и привлекательный художник, каким я привык себе воображать его с юности... Среднего роста, плотный и с совершенно здоровым цветом лица, он был одет в темно-коричневое длинное пальто и в темно-зеленый бархатный жилет, наглухо застегнутый до шеи, у которой, поверх атласного черного галстука, виделись белые мягкие воротнички рубашки. Его длинные каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь над ними. Тонкие, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полные красивые губы, над которыми была крохотная эспаньолка. Небольшие карие глаза глядели ласково, но осторожно, и не улыбаясь даже тогда, когда он говорил что-либо веселое и смешное. Длинный сухой нос придавал этому лицу и этим, сидевшим по его сторонам, осторожным глазам что-то птичье, наблюдающее и вместе добродушно-горделивое. Так смотрят с кровель украинских хуторов, стоя на одной ноге, внимательно-задумчивые аисты».

Всю зиму 1851–1852 годов писатель усердно работает, начинает печатание второго издания своих сочинение с дополнением пятого тома.

Смерть 26 января 1852 года Е.М. Хомяковой, сестры Н.М. Языкова, произвела подавляющее впечатление на Гоголя, дружившего с ней. На первой же панихиде он с грустью заявляет, что теперь для него всё кончено.

Главный врач Шереметевской больницы Алексей Терентьевич Тарасенков, посетивший Гоголя в конце января 1852 года, вспоминал, что увидел знаменитого писателя, занятого энергичной деятельностью, исправляя присланную из типографии корректуру первого тома своих сочинений. Близкие знакомые считали его совершенно здоровым, ожидали от него вскоре второй том «Мертвых душ» и других новых сочинений.

Да и сам Николай Васильевич каждое утро с любовью и рвением брался за перо.

Но с 5 февраля Гоголь прекращает литературную работу и другие занятия, перестает принимать пищу и почти не спит. Два дня спустя он исповедуется и причащается. Просит графа А.П. Толстого 10 февраля передать свои рукописи московскому митрополиту Филарету, чтобы тот отобрал, что следует печатать, а что уничтожить. Толстой отказывается выполнить его просьбу.

В ночь с 11 на 12 февраля 1852 года Гоголь сжег уже подготовленный к печати второй том «Мертвых душ». Вскоре после этого он впадает в глубокую апатию и полное изнеможение.

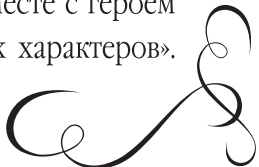
Утром 21 февраля на 43-м году жизни Николай Васильевич скончался. Его последние слова были: «Лестницу, поскорей давай лестницу». Наверное, он имел в виду божественную лестницу, которая соединяет небо и землю.

После отпевания в университетской церкви Гоголя похоронили на кладбище Данилова монастыря. Но и здесь он не обрел покоя. В начале 1930-х годов кладбище решили ликвидировать, и гроб с телом писателя был вырыт из могилы и вскрыт 31 мая 1931 года. Присутствовавшие при этом чиновники и литераторы разобрали на сувениры частицы сохранившейся одежды и костей писателя. Оставшийся прах перезахоронили на Новодевичьем кладбище.

История создания и гибели поэмы «Мертвые души»

Замысел первого тома поэмы «Мертвые души» и начало работы над ним относятся к 1835 году, окончание труда — к осени 1841 года. Поэма напечатана в июне 1842 года отдельным изданием.

Гоголь вспоминал, что сюжет «Мертвых душ», как и сюжет «Ревизора», был дан ему Пушкиным. «Пушкин находил, что сюжет “Мертвых душ” хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

В письме от 7 октября 1835 года Гоголь сообщал Пушкину: «Начал писать “Мертвых душ”. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь».

О дальнейшем развитии замысла Гоголь сообщает 12 ноября 1836 года в письме к Жуковскому: «Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись».

Гоголь начинает осознавать, что он призван решить не частные задачи, а сказать новое слово в русской литературе. Он ощущает себе национальным писателем, которому предстоит встать рядом с его кумиром Пушкиным и создать труд, который, по его словам, «вынесет мое имя». И трудом этим должны стать «Мертвые души». Теперь уже во всех своих прежних сочинениях Николай Васильевич склонен был видеть лишь произведения дрожащей руки начинающего ученика. В обдуманном заново замысле «Мертвых душ» должна была явиться «вся Россия».

Лето 1837 года Гоголь провел в Баден-Бадене в обществе А.О. Смирновой, и в ее доме 14 августа впервые читает главы «Мертвых душ». Присутствовавший на этом чтении А.Н. Карамзин писал матери, что это было лучшее из всего написанного до сих пор Гоголем.

С октября 1837 года по конец лета 1838 года Николай Васильевич прожил в Риме, напряженно работая над «Мертвыми душами».

В конце августа 1838 года Гоголь едет в Париж, и здесь происходит второе чтение «Мертвых душ» для приехавшего сюда Александра Тургенева, который записывает в дневнике; «Верная, живая картина России, нашего чиновничества, дворянского быта, нашей государственной и частной, помещичьей нравственности — характеры, язык, вся жизнь помещиков, чиновников: все тут, и смешно и больно».

В 1839 году в Петербурге Гоголь остановился у Жуковского, который, как воспитатель царских детей, жил тогда в императорском Зимнем дворце. П.В. Анненков вспоминал: «Первые главы “Мертвых душ” были уже им написаны, и однажды вечером, явившись в голубом фраке с золотыми пуговицами с какого-то обеда к старому товарищу своему Н.Я.

Прокоповичу, он застал там всех скромных, безызвестных своих друзей и почитателей, которыми еще дорожил в то время... Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было нелегко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а о чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н.Я. Прокопович, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную и сказал по-малороссийски, кажется, так: “А ще се таке у вас, пане?” Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос, и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы “Мертвых душ”... Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло».

Затем в марте 1840 года Гоголь читал «Мертвые души» в нескольких домах в Москве. По свидетельству С.Т. Аксакова, он прочитал и пятую, и шестую главы.

Постепенно первоначальный замысел усложнился, вырос в грандиозный план произведения, в котором уже не с одного боку, а многосторонне изображалась Россия. В «Авторской исповеди» Гоголь рассказал об этом переходе от смешного сюжета к трагическому, от юмора к сатире. «Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собой множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными. Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? Чем более я обдумывал свое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадают, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатались

истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те внешние свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены. Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотоле перу».

Гоголь все пристальней стал вглядываться в окружающий его мир, изучать русские характеры. «Я стал знакомиться с людьми, от которых мог чему-нибудь научиться и разузнать, что делается на Руси: старался наиболее знакомиться с такими опытными практическими людьми все сословий, которые обращены были лицом ко всяким проделкам внутри России. Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать».

В результате такого изменения замысла получилось, что Пушкин, ожидавший от автора комического повествования, не только не смеялся, слушая первые главы «Мертвых душ», но воскликнул под конец чтения: «Боже, как грустна наша Россия».

В 1840 году в Риме Гоголь значительно переработал текст. Первые главы он диктовал В.А. Панову, последующие — прибывшему в Рим П.В. Анненкову, который вспоминал: «Ежедневно после завтрака направлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома “Мертвых душ” приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом

себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен... Случалось, что он прекращал диктовку на своих орфографических заметках, обсуждал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте».

На протяжении всей творческой работы в Риме над «Мертвыми душами» внимание автора было сосредоточено главным образом на зарисовках дополнительных эпизодов и характеристик, а также на стилистической отделке.

Он 28 декабря 1841 года из Рима пишет С.Т. Аксакову, размышляя над вторым томом поэмы: «Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том “Мертвых душ”. Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе, и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы.

Печатание поэмы было сопряжено с большими цензурными трудностями, которые Гоголь описал в письме к Плетневу от 7 января 1842 года. Цензоры обвиняли автора в том, что «он вооружается против бессмертия», так как «мертвой души не может быть», а когда им доказывали, что речь идет о «ревизских душах», — заявляли, что «этого и подавно нельзя позволить», так как это-де направлено «против крепостного права». Цензура считала «предприятия Чичикова соблазнительным», так как «пойдут другие брать пример и покупать мертвые души».

В конце концов, Гоголь забрал рукопись из Московского цензурного комитета и через В.Г. Белинского послал ее князю В.Ф. Одоевскому с просьбой хлопотать о ней в Петербурге. В середине февраля 1842 года он получил от Плетнева известие о благополучном повороте дела в цензуре, а 9 марта цензор А.В. Никитенко сделал разрешительную надпись.

Петербургская цензура пропустила поэму, однако, в «Повести о капитане Копейкине» увидела уже прямую критику правительственных учреждений. Гоголь по этому поводу писал 9 апреля 1842 года своему другу Прокоповичу: «Выбросили у меня целый эпизод — Копейкина, для меня очень нужный более даже нежели думают они. Я решился не отдавать его

никак. Переделал его уже так, что никакая цензура не может придраться. Генералов я всё выбросил и посылаю его к Плетневу для передачи цензуре». Под давлением цензуры изменено было и название поэмы («Приключения Чичикова, или Мертвые души»).

В то время как книга набиралась в типографии, Гоголь сам рисовал обложку для нее, и с этой обложкой книга вышла из печати 21 мая 1842 года. Поступив в продажу, она расходилась с необыкновенной быстротой. Поэме Гоголя суждено было стать одним из важнейших факторов развития русской общественной мысли, становлением общественного самосознания. Начались жесточайшие споры как на страницах газет и журналов, так и в дворянских гостиных.

Автор начинает рассылку подарочных экземпляров своим друзьям и покровителям. Одному из первых — Василию Жуковскому: «Посылаю вам “Мертвых душ”. Это первая часть... Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все, однако же не могу не видеть ее малозначительности, в сравнении с другими, имеющими последовать за ней частями».

Несмотря на столь явную самоуверенность, «последующие части» так и не увидели свет.

Полемика вокруг «Мертвых душ» сразу же приобрела характер идеологической борьбы, наглядно вскрывший в русском обществе различные, враждебные друг другу направления. С.Т. Аксаков разделил читателей Гоголя на три части: 1) «образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя» — они приняли книгу с восторгом, 2) люди «озадаченные», смущенные «карикатурой» и «неправдоподобием», 3) явные враги: «Третья часть читателей озлобилась на Гоголя: она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России».

Историк и цензор, пропустивший в печать «Мертвые души», А.В. Никитенко писал Гоголю 1 апреля 1842 года: «Не могу удержаться, чтоб не сказать вам несколько сердечных слов, а сердечные эти слова не иное что, как изъявление восторга к вашему превосходному творению. Какой глубокий взгляд в самые недра нашей жизни! Какая прелесть неподдельного, вам одним свойственного комизма! Что за юмор! Какая мастерская, рельефная, меткая обрисовка характеров! Где ударила ваша кисть, там

и жизнь, и мысль, и образ — образ так и глядит на вас, вперив свои живые очи, так и говорит с вами, как будто сидя возле вас на стуле, как будто он сейчас пришел ко мне в 4-й этаж прямо из жизни — мне не надобно напрягать своего воображения, чтоб завести с ним беседу, — он живой, дышащий, нерукотворный, божье и русское создание».

Литературный критик В.Г. Белинский видел в «Мертвых душах» произведение «необъятно художественное по концепции и исполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта — и в то же время глубокое по мысли, социальное и общественное и историческое...»

Писатель и философ А.И. Герцен назвал поэму «горьким упреком» и «ужасной исповедью современной Руси», и считал ее автора обличительным в изображении дворянского сословия: «Благодаря Гоголю мы наконец увидели, как они вышли из своих жилищ, из своих барских домов, без масок, без прикрас, вечно пьяные и ненасытные: рабы власти без достоинства и безжалостные тираны своих крепостных, сосущие жизнь и кровь народа с невинностью и простодушием ребенка, сосущего грудь матери. “Мертвые души” потрясли всю Россию. Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой».

Поэт и литературный критик К.С. Аксаков: «Давно не было у нас такого движения, какой теперь по случаю “Мертвых душ”. Ни один решительно человек не остался равнодушен, книга всех тронула, всех подняла, и всякий говорит свое мнение. Хвала и брань раздаются со всех сторон, и того и другого много, но зато полное отсутствие равнодушия».

Литературный критик Н.И. Греч: «Содержание этого романа, вкратце, следующее. Один чиновник, выгнанный из службы за воровство и злоупотребления, задумал поправить свое состояние тем, что стал скупать у помещиков души крестьян их, умерших после ревизии, с тем вероятно, чтоб заложить сии существующие только на бумаге души, в Кредитных Установлениях. Он приехал с этой целью в какой-то губернский город, познакомился там с чиновниками и помещиками, и накупил искомого товару порядочное количество, но, не разбирая людей, к которым обращался, вскоре увидел, что его плутни обнаружены, и поспешил выбраться из города, встревоженного слухами — сначала о мнимом его богатстве,

*Карандашный портрет Н. В. Гоголя.
Э. А. Дмитриев-Мамонов, 1840-е гг.*